

Л.М. МЕЖЕВИЧ

«АКСИОМЫ» В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ И.А. ИЛЬИНА

Аксиомы в науке и в религии. Роль научной терминологии в создании иллюзии обоснования религии наукой и философией. Две религиозных аксиомы - две религии: «чувственная» (вера) и «духовная» (мистический опыт). Желание создать «духовную» религию, религиозную философию и невозможность такого создания - причина кризиса религии в среде интеллигенции. Пустота религиозного «опыта» - пустота религиозных «понятий»: Бог, Откровение, Дух. Субъективизм, агностицизм и солипсизм чувственного религиозного опыта. Иллюзорность, мистицизм духовного религиозного опыта. Внутренняя противоречивость понятия «религиозная философия». Возрождение «чувственной» религии и существование «духовной» религии - сами объекты религиозной веры.

Ключевые слова: аксиома в науке, религиозная аксиома, чувственная и духовная религии, религиозная вера, религиозная философия

Межевич Леонид Михайлович - старший преподаватель кафедры социальных технологий и права, Самарский государственный университет путей сообщения. E-mail: poleon06@mail.ru

L.M. MEZHEVICH

«THE AXIOMS» IN THE RELIGIOUS PHILOSOPHY OF I.A. ILJIN

The axioms of science and religion. The role of scientific terminology in creating the illusion of justification of religion by science and philosophy. The two religious axioms - two religions: “sensual” (faith) and “spiritual” (mystical experience). The desire to create a “spiritual” religion, religious philosophy, and the inability to create them - the cause of the crisis of religion among the intelligentsia. The emptiness of religious “experience” - the emptiness of religious “concepts”: God, Revelation, Spirit. Subjectivism, agnosticism and solipsism of perceptible religious “experience”. Illusiveness, mysticism of spiritual religious “experience”. Internal contradiction of the concept “religious philosophy”. The revival of “sensual” religion and existence of “spiritual” religion are objects of religious faith.

Keywords: axiom in science, religious axiom, sensual and spiritual religions, religious faith, religious philosophy

Leonid M. Mezhevich - senior lector at the Department of Social Technologies and Law, Samara State University of Railways. E-mail: poleon06@mail.ru

Успехи развития науки и техники в Новое время создали кризисную ситуацию в религии и философии. Не только «бог умер», но и «материя исчезла». Научная общественность и общество в целом потеряло интерес к религии, к идеалистической, религиозной философии. Переосмыслению подверглась и материалистическая, ориентированная на науку философия. Научная модернизация в философии состояла в том, чтобы использовать в философии не только научные понятия, но и методы (О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, Э. Мах).

Аналогичные попытки были и со стороны религиозных мыслителей (М. Шелер, Тейяр де Шарден, К. Ясперс, И.А. Ильин). Задача настоящей статьи показать на примере И.А. Ильина, что такие попытки поднять авторитет религии за счёт авторитета науки в принципе невозможны. Эта невозможность основана на принципиально разной сущности науки и религии. Однако для верующих эти

попытки кажутся успешными, поскольку сами они становятся объектом веры. В настоящее время в России можно встретить попытки «реабилитации» религии и религиозной философии путём придания им ценности не меньшей, чем ценности светской философии и науки.

В своём труде «Аксиомы религиозного опыта» И.А. Ильин попытался выявить некоторые «аксиомы», на которых, по его мнению, возможно создание религии с авторитетом не меньшим, чем у науки. По мнению автора статьи «аксиома» в «Философской энциклопедии» А. Кузнецова ««аксиома» (греч. $\xi\omega\mu\alpha$ - удостоенное, принятое положение, от $\xi\acute{\iota}\omega$ - считаю достойным) - это положение некоторой данной теории, которое при дедуктивном построении этой теории не доказывается в ней, а принимается за исходное, отправное, лежащее в основе доказательств других предложений этой теории» [5, с. 31]. Ленин В.И. в «Философских тетрадах» писал: «Практическая деятель-

ность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению разных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиомы» [6, с. 164]. Логическими аксиомами являются: закон *тождества*, закон *противоречия*, закон исключённого третьего, закон достаточного основания. Есть аксиомы в математике и в других науках.

Работы И.А. Ильина, и в первую очередь «Аксиомы религиозного опыта», обращены к интеллигенции, в том числе и к неверующей интеллигенции, равнодушной к религии. В тексте есть даже своего рода комплименты в адрес «неверов». Русский мыслитель выбрал форму научного философского трактата, где использует научные понятия: «аксиомы», «опыт». Само название книги «Аксиомы религиозного опыта» уже должно внушить доверие, даже заинтриговать: «Какие аксиомы?», «Что за религиозный опыт?». Трудностью при чтении будет, однако, то, что понятия, взятые из науки, наделяются здесь особым смыслом, который им не свойственен в науке.

Ильин И.А. формулирует две основные «аксиомы религиозного опыта». Первая аксиома - это собственно религиозное чувство или религиозная вера, а точнее наличие её у человека. Вторая аксиома - это «духовная религия», особый «духовный опыт». Первая аксиома слаба, и поэтому ей должна помочь вторая аксиома. Если первая аксиома, пусть даже тавтологична, основана на религиозных чувствах реальных верующих людей, то вторая аксиома существует только в сознании верующего мистика, а, может быть, её нет и в сознании, поскольку неизвестно, что это такое. Можно сказать иначе, первая аксиома связана с реальной религией и церковью, а вторая аксиома - это религиозная философия или, скорее, мистическое состояние, которое воспринимается верующим как единство с Богом.

Надо сказать, что сам русский философ понимал трудность создания русской религиозной православной философии, которая традиционно отсутствовала в русском православии. И не только в православии, но и любой другой конфессии. Так И.А. Ильин пишет в 1919 году в «Предисловии» к 1-му тому «Аксиом религиозного опыта»: «Религиозному человеку необходимо одухотворять, очищать, укреплять, растить, углублять и образовывать свой духовный опыт, иначе сила естественных потребностей, компромиссов, личная подслеповатость и власть всё выветривающего времени - ослабят, исказят и выродят этот драгоценный опыт

и незаметно, из поколения в поколение, приведут его к немощи и разложению» [2, с. 7]. Заканчивая свою мысль о кризисе религии в современном обществе, философ приходит к выводу: «Эта своеобразная безрелигиозность религиозно-сопричисленных людей всё меньше тревожит нас. А это свидетельствует о глубине переживаемого нами духовного и религиозного кризиса» [2, с. 7]. Таким образом, И.А. Ильин честно признаётся, что религиозность, не говоря уж о религиозной философии, в современном обществе никого не интересует, включая и самих верующих.

Ильин И.А. обращается к верующим интеллигентам, а точнее к сомневающимся в вере, к тем, кто стал от религии отходить. Он полагает, что надо укрепить религиозное сознание, а это, в свою очередь, приведёт к усилению религиозного чувства, религиозной веры. Он пишет: «И вот тем из наших современников, в коих религиозная вера ещё жива или уже превозмогла все соблазны и искушения духовного «сквозняка», надо понять совершающееся и поставить перед собой вопрос о сущности и природе подлинного религиозного опыта» [2, с. 7-8]. Таким образом, под влиянием «остатков» религиозной веры сознание сомневающихся должно понять, что религиозная вера слабеет и для того, чтобы её (веру) укрепить, надо обратиться к подлинному религиозному опыту. Но прежде необходимо выяснить - «Что такое подлинный религиозный опыт?». На протяжении всех своих сочинений И.А. Ильин пытается объяснить сущность «религиозного опыта». Это мистическое познание, то есть таинственное, а потому объяснить его в принципе невозможно - во-первых. А во-вторых, возникает «круг» в объяснении, когда одно непонятное объясняется другим непонятным, которое в свою очередь объясняется первым непонятным. Так И.А. Ильин ставит перед собой задачу - вернуть человеку религиозную веру. Для этого надо человеку вернуть или, если его не было, привить религиозное чувство. Чтобы укрепить религиозное чувство, надо развивать религиозное сознание на основе «религиозного опыта». Далее, чтобы религиозный опыт состоялся, необходима «цельность веры». Круг замкнулся, мы вернулись к тому, с чего начинали.

Оказывается, стать верующим или как минимум укрепить свою веру достаточно просто. Религиозный мыслитель считает: «Надо вернуться сначала умственным взором, а потом (непременно!) цельной душой к живым пламенникам сущей рели-

гиозности и пережить, в меру своих сил, вместе с ними их опыт, чтобы затем сравнить его со скудным опытом наших дней и сделать надлежащие выводы... Кто вчувствуется и вдумается в это, тот поймёт, что цельность веры есть аксиома подлинного религиозного опыта; и, раз постигнув эту аксиому, он поставит перед собой вопрос: нет ли ещё и других аксиом религиозного опыта и в чём они состоят?» [2, с. 8]. У читателя этих строк возникает масса вопросов: Что такое «умственный взор»? «Цельная душа»? «Цельность веры»? Кто такие «пламенники»? Что значит «вчувствоваться», «вдуматься»? С точки зрения науки, «цельность веры» не является аксиомой, так как мы даже не можем определить её и, соответственно, не сможем осуществлять дедукцию на её основе. Некоторые исследователи философии И.А. Ильина выделяют 26 аксиом, каждая из которых соответствует главе книги «Аксиомы религиозного опыта»: О.А. Бокова, М.В. Никифорова [8].

Нам интересна конкретно сама технология приобщения человека к религии, формирования у него религиозной веры. Ильин И.А. в описании данной технологии использует: во-первых, научную терминологию - «аксиомы», «опыт» - то есть внешне, формально всё выглядит так, как будто мы имеем дело с научно апробированным приёмом. Делай именно так и обретёшь подлинную религиозную веру. Правда, во что конкретно верить, в какого конкретно Бога, не ясно, поскольку создать в научных понятиях «портрет» Бога невозможно, так как нет Бога как объекта исследования, так как он не существует как предмет бытия. Во-вторых, религиозный философ не может обойтись без бытовых, житейских слов, которыми пользуются верующие и без которых религиозное сознание невозможно. Эти бытовые слова приобретают образное поэтическое значение и в результате особый мистический, потусторонний, то есть, религиозный смысл. Речь идёт о таких выражениях, как «умственный взор», «цельная душа», «живые пламенники сущей религиозности», «пережить» и так далее. Это приём присущ всем религиям, когда указывают, говорят о том, чего нет. Мистический, то есть, таинственный смысл у бытовых понятий возникает в ходе создания у этих понятий иллюзорного, фиктивного значения для верующих людей.

Что такое «цельная душа» и «цельное верование», «религиозный опыт», неясно. Однако человек XX века, по мнению И.А. Ильина, несмотря ни на что, должен «вчувствоваться и вдуматься» и обрести

«цельность веры». На самом деле, аксиома «цельность веры» является аксиомой только для верующего и притом верующего, который не испытывает сомнений, когда верит. Для того, чтобы «вчувствоваться» и «вдуматься» надо уже обладать «цельной верой». Будучи лично верующим человеком, И.А. Ильин полагает, что стать верующим просто. Так он пишет: «...часто безбожник является безбожником только потому, что *ещё не* выработал в себе духовного созерцания и держится неверного мнения, будто такой душевной способности нет и не может быть» [4, с. 132].

Современный человек, как бы он ни хотел стать верующим, стать верующим не в состоянии, поскольку получить или пережить «религиозный опыт» он не может, так как нет у него «цельной души» и «цельного верования», «цельности веры». Некоторые верующие в результате приходят к выводу, что они на самом деле неверующие. В целом к этому они относятся спокойно, то есть вера в Бога осталась в детстве как вера в Деда Мороза и в Снегурочку. К тому же в современном обществе, по большому счёту, никого не интересует личная вера человека. Вместо «аксиомы религиозного опыта» мы получаем «аксиому атеистического опыта». Происходит своего рода «доказательство от противного»: хотели обосновать религию, доказать существование веры в Бога на основе аксиомы «цельного верования», а обосновали атеизм, поскольку аксиома атеизма «нет цельной веры, нет цельного верования» оказывается соответствующей действительности. Факт отсутствия религиозного чувства обладает большей очевидностью, чем очевидность религиозного чувства. Можно даже сказать больше, очевидностью обладает только отсутствие религиозного чувства, а вот у религиозного чувства очевидности нет. Дословно нашими очами ничего не видно. Например, для учёного-религиоведа (философа, социолога, психолога, политолога, правоведа, этнографа, лингвиста, историка, экономиста) очевидно только то, что существует реально: верующие люди, их взгляды, чувства, обряды, их организация. Сами же боги не очевидны, их никто не изучает, с ними нельзя вступить в эмпирические отношения, то есть при всём желании учёные не могут получить «религиозный опыт» вступив в контакт с богом или с другими сверхъестественными объектами, поскольку их нет объективно помимо сознания и чувств верующих.

Аксиома, которую попытался И.А. Ильин вывести из религиозного опыта, строго говоря, нельзя считать аксио-

мой, тем более научной аксиомой. Перед нами тавтология, когда одна и та же мысль выражена разными словами. У И.А. Ильина: «Цельность веры есть аксиома подлинного религиозного опыта». Слово «цельность веры» следует понимать, на наш взгляд, как вера стопроцентная, без тени сомнения, без скепсиса. «Религиозный опыт» - это «опыт» общения, контакта верующего с предметом своей веры, например, в ходе молитвы. Если сказать проще, без «научного» слова «опыт», то «религиозный опыт» - это состояние веры верующего человека. Тавтология может быть выражена по-разному: «вера делает человека верующим», «у верующего человека есть религиозная вера». Конечно, психологическое состояние, «вера», может быть у человека в самых различных сферах жизни: в политике, в нравственных отношениях, где она приобретает порой форму осознанных убеждений. Но только в сфере религии «вера» предполагает отсутствие реального объекта веры. Для религии актуальна только та вера, которая постоянно создаёт свой объект в акте веры.

Ильин И.А. столкнулся с этим процессом, когда попытался проанализировать «цельность веры», то есть сущность религиозной веры. Сразу на этой же странице религиозный мыслитель отказывается от своей аксиомы о «цельности веры» как чувства. На первый взгляд это не логично, поскольку «религиозная вера» остаётся «религиозной» и остаётся «верой» пока она находится в рамках чувства. Две опасности существуют у религии: первая - религиозное чувство, как любое чувство, пропадает под влиянием жизненных обстоятельств: например по мере взросления человека. Второе - религиозное чувство «переводят» на уровень слов, понятий, умозаключений, теорий. На этом уровне нет чувства, однако, нет и религиозной веры. Это уровень науки - религиозоведения, философии религии, психологии религии, социологии религии. Ильин И.А. хочет на этом уровне создать религиозную философию. То, что это принципиально невозможно, он поймёт через тридцать лет, когда закончит этот труд.

Уровень только религиозного чувства не удовлетворяет религиозного философа. В этом случае ему придётся смириться с тем, что религия - пройденный этап человечества, его детство. Это также детство отдельного человека. Но детство проходит, как бы ни хотели его сохранить. Ильин И.А. делает попытку придать сознанию качество религиозного чувства, «создать духовную религию» или как минимум «религиозное сознание». Он пи-

шет следующее: «Обретая и выговаривая аксиомы религиозного опыта, я с самого начала убедился в том, что я не могу и не должен идти индуктивным путём... Я убедился в том, что мне пришлось бы считаться с длинным рядом человеческих предрассудков, суеверий, страхов, блужданий и заблуждений, с явлениями страстной слепоты, неистовости и противоречливой религиозной магии... т.е. с такими явлениями, где аксиомы духовно-здорового, сущего и подлинного религиозного опыта утрачены или прямо отвергнуты и поправлены» [2, с. 8]. Здесь мы видим, как аксиома «цельности веры» заменяется у И.А. Ильина аксиомой «духовно-здорового, сущего и подлинного религиозного опыта». Первая аксиома основана на реальной религиозной вере верующих людей. Даже то, что аксиома тавтологична и имеет ненаучный характер, позволяет представлять её основанной на реальности. То есть, метод индукции рассматривает реально существующие религии, реально существующие религиозные чувства людей. При том неважно даже, насколько фантастичен и иллюзорен объект веры. Дедуктивный метод создаёт «духовную религию», но такая «истинная» религия существует не в чувствах людей, а только в их сознании. Эта абстракция является своего рода «двойной фикцией» или «двойной иллюзией», где первой иллюзией выступает «чувственная религия», а второй - «духовная религия». Происходит своего рода «двойное отрицание». Это означает, что вторая иллюзия отрицает первую иллюзию и утверждает реальность того, на основе чего возникла первая иллюзия. Происходит религиозное и одновременно философское самоубийство: в философию вносятся элементы религиозного чувства, а в религию принципы научного мышления. Происходит отрицание и религии, и философии одновременно. Однако, видно это только с позиции неверующего исследователя. С позиции верующего всё достаточно просто: он верит в то, что есть такое «духовное познание», «духовная религия», «духовный опыт». Само определение второй аксиомы как «духовного опыта» не является научным. В науке нет такого понятия - «дух» и производных от него. Дедуктивным путём философ создаёт «духовную религию», а, точнее, пытается её создать и обосновать на протяжении не только этого своего труда, но и на страницах других своих работ.

В начале своих «Аксиом религиозного опыта» он ещё пытается, по крайней мере, на словах, уйти от обвинения в построении религии методом дедукции,

то есть построения теоретической конструкции «духовной религии», исходя из абстрактных принципов «духовности», «истинности», «сущности». Ильин И.А. пишет: «...я не отказался от индукции совсем, но ограничил её объём и поставил ей духовно-интуитивное, т.е. философское, задание... Не все так называемые «религиозные» состояния человеческой души имеют духовный вес и смысл; но аксиомы религиозного опыта могут быть соблюдены только в духовных религиях» [2, с. 8-9]. Религиозный мыслитель не даёт определение «духовности», поэтому можно предположить, что это то, что исключает чувство. Так, оказывается, что аксиома религиозного опыта связана только с духовностью. Ильин И.А. пишет: «Недуховность или даже противодуховность угашала аксиоматические основы религиозного опыта» [2, с. 9]. Ильин И.А. оказался в ситуации, в которой он оказывался не раз, создавая религиозную философию. Он не может применить ни индуктивный метод, ни дедуктивный. В первом случае он должен принять все реально существующие религии как истинные, а во втором сконструировать «духовную религию», которой реально не существует. Выходит он из тупиковой ситуации следующим образом: придумывает новое понятие - «поставил (индукции) духовно-интуитивное, философское задание». Что это за понятие, не понятно. Как в религии, в это понятие надо просто поверить. В итоге, мы получаем «духовную религию».

Итак, есть две аксиомы: первая аксиома («цельная вера») в чувственной религии, которую мы изучаем индуктивным методом; вторая аксиома - аксиома религиозного опыта в «духовной религии». Однако, для того, чтобы понять сущность второй «духовной» аксиомы Ильин И.А. опять предлагает, как и при первой аксиоме, «вчувствоваться в религиозные акты основоположников и попытаться формулировать их аксиоматические основы». Таким образом, мы видим, что оторвать духовное от чувственного религиозный философ не в состоянии. На словах он говорит о духовном опыте, а на самом деле речь у него идёт о чувствах верующего. Так далее, поясняя свою мысль, он пишет: «...задача моего исследования: оно не касается проблем догматики и литургики,... но сосредотачивается на личном, духовном состоянии верующего (пневматическая актология)» [2, с. 9]. Понятие «Дух» не имеет у него чёткого значения: то это душа у человека, а то вообще что-то объективное - не то Дух Божий, не то просто - Дух. Так, И.А. Ильин пишет: «Тот, кто

умеет вчувствоваться в изучаемый им духовный акт другого человека, наверное, давно почувствовал, а может быть и постиг, что Дух веет и созерцает у Апостола Иоанна Богослова иначе, чем у Апостола Павла...» [2, с. 10]. Получается, что вторая аксиома («духовная религия») - это просто заявление о намерении, это некая мечта, утопия. Ведь когда вместо слов «душа», «чувство» ставится слово «дух», то возникает просто, с точки зрения логики, бессмыслица, мы теряем прежний смысл, но не приобретаем новый. Нам надо верить в то, что не имеет смысла. Религиозная философия отличается от научной философии тем, что в религиозную философию из религии переносится чувство веры. В первую очередь чувство веры необходимо, чтобы обосновать саму религиозную веру. Русский мыслитель пишет, обосновывая свои цели и задачи, следующее: «Я искал тех аксиоматических «форм», или «законов», или «основ» их религиозности, которые предполагались их верой и которые сообщали ей её величие... Устанавливая их, я убеждался в том, что эти аксиомы должны светить не только нам, православным христианам, как своего рода неумирающие пневматические заповеди, но и христианам всех других исповеданий... Чем вернее и полнее соблюдались эти аксиомы в других религиях (например, аксиомы духовности, самодеятельности, сердечного созерцания, катарсиса, цельности, искренности, смирения и трезвения), тем совершеннее оказывалась человеческая религиозность...» [2, с. 10]. Фактически тем самым он сделал то, что делали все религиозные мыслители, а именно вышел за пределы религии в другие сферы: политику, нравственность, искусство. Если в «чувственной религии» мы ещё можем встретить различные продукты религиозной фантазии, то в «духовной религии» нет ничего конкретного. Конечно, то, что назвал И.А. Ильин религиозными аксиомами, аксиомами не является. Это принципы, которые характерны в целом для культуры, в том числе и для светской культуры. Например, «аксиомы искренности, смирения». Косвенно это признаёт и сам мыслитель. Он пишет: «Дух Божий на протяжении истории не покидал так называемые «языческие» народы, которые до Христа составляли почти всё человечество, а ныне исчисляются приблизительно в две трети всех живущих на земле людей» [2, с. 11]. И далее: «Языческие народы совсем не были богоотверженным, духовно-мертвенным и обречённым на гибель множеством, но имели свою меру откровения, свою вдохнов-

лённую мудрость, свою живую религиозность и добродетель» [2, с. 11-12]. Здесь существует другая опасность для верующих - уйти из религии в светскую культуру и не вернуться. Кстати, этот процесс секуляризации, или проще «обмирщения», идёт на протяжении всей истории человеческой культуры.

На самом деле И.А. Ильин хочет остаться в рамках религии, а светские ценности сделать религиозными ценностями. Для этого он использует метод мистики: это когда естественным предметам приписывают сверхъестественные свойства. Например, «аксиома сердечного созерцания». Это возможно, по его мнению, в рамках субъективной религиозной философии. Он пишет: «Основанием всякой религиозной веры является личный религиозный опыт человека, а источником - пережитое в этом опыте Откровение» [2, с. 12]. Продолжая попытку «научно» обосновать религию, религиозный мыслитель вслед за выявлением «аксиом религиозного опыта» пытается сформулировать «закон религиозного опыта». Он пишет: ««Субъективность» земного человека и, соответственно этому, субъективность его существования, его телесных, душевных и духовных состояний - есть первый аксиоматический закон религиозного опыта» [2, с. 30]. Это своеобразный религиозный солипсизм, когда для религии достаточно одного человека. Для такого человека и религия, и наука, и философия - это одно целое, это его индивидуальное и сознание, и душа, и тело. Ильин И.А. считает такую «духовную религию» единственно подлинной в отличие от «религии чувства». Он пишет: «Нередко бывает так, что люди ищут в храме не молитвы, а лишь забвения о своём неумении молиться и находят не подлинный религиозный опыт, а лишь его иллюзию... Ибо на самом деле множество религиозных «мертвецов» имеет Бога не более, а менее чем один, хотя бы и скудно, но самостоятельно верующий человек. Согласно этому в жизни возможно такое жалкое явление: в храме все воображают, будто все остальные молятся; на самом же деле - не молится никто; все только притворяются, будто молятся и принимают друг друга, немолеща, за молящихся. Возникает всеобщий самообман, и в то же время - совместный, совокупный обман; и в лучшем случае - некий дурман от этого обмана. По сравнению с этим одинокая молитва самостоятельно верующего отшельника может быть великим огнищем Божиим на земле» [2, с. 30]. Это одно из горьких выводов И.А. Ильина о совре-

менной ему религиозности. Если нет религиозности, то нет и Бога. Если даже по внешним формам «чувственной религии» мы можем сделать вывод, что люди притворяются верующими, то что мы можем сказать о «духовной религии», которая внешне никак не проявляется? Ведь единственный критерий «духовной религии» это субъективное чувство единения с Богом.

Казалось бы, найдено идеальное решение, найдена подлинная религия. Для неё И.А. Ильин даже подобрал особое название - «автономная религия», для которой не нужна никакая церковь. Да, всегда были, есть и будут, вероятно, «религиозные солипсисты», мистики. Для них «сущность религии, - по словам философа К. Манхейма в книге «Диагноз нашего времени», - обнаруживается в личном общении с Богом» [7, с. 526]. В последней главе «Трагические проблемы религиозного опыта» И.А. Ильин пишет: «Духовно-религиозный опыт требует совершенства и не обещает его» [2, с. 563]. Перед нами разновидность логической апории, только на религиозном материале. Такие апории решить невозможно, поскольку или неправильно поставлен вопрос или вопрос бессмысленен. Косвенно, как «доказательство от противного», это тоже подтверждает правоту атеизма. В теории на логическом уровне невозможно обосновать духовный религиозный опыт, духовную религию. И как вывод ждать «помощи» «чувственной религии» от «духовной религии» бесполезно. В реальности любая религия основана на чувстве, а мистики, сторонники «духовного опыта» - это всё религиозные маргиналы.

Все попытки И.А. Ильина обосновать возможность особой «духовной религии», особого «духовного религиозного опыта» свелись к тому, что «аксиома цельной веры» «чувственной религии» принимает форму второй аксиомы - «духовной религии», пусть даже в сознании самого верующего. Главное здесь - сам верующий верит в то, что у него есть «духовный религиозный опыт с Богом». Вера, особенно религиозная вера, оказывается очень удобным средством иллюзорного решения всех проблем. Кстати, можно верить и в возрождение религии. Конечно, как считает религиозный мыслитель, при этом надо сохранять «цельность веры», то есть, чтобы не было никаких сомнений в то, во что веришь.

Современный исследователь философии И.А. Ильина И.И. Евлампиев отмечал в своей книге «Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина», что

«при всём убеждении в значимости иррациональных сторон бытия он никогда не отвлекался от своей приверженности рационалистической традиции, пытаясь парадоксальным образом соединить интуитивное схватывание иррациональных смыслов жизни с рациональной формой их осмысления и изложения» [1, с. 62]. Можно констатировать, что такая «парадоксальная попытка» не удалась. Содержание (мистическое, религиозное) оказалось сильнее формы (рациональной, научной). В истории человеческой культуры это была не первая попытка и, вероятно, не последняя научно обосновать религию. Неудачу такой попытки осознавал и сам философ. В 1914 году в речи «Философия как духовное делание» он достаточно оптимистично пишет: «Она (философия - М.Л.) исследует божественную природу во всех предметах и, наконец, восходит к познанию самого *Божества*» [3, с. 42]. Но уже через 33 года в 1947 году он в письме к Митрополиту Анастасию так характеризует новый этап своего философского развития: «...я пытаюсь заткать ткань новой философии, насквозь христианской по духу и стилю, но совершенно свободной от псевдофилософского отвлечённого пустословия. Здесь совсем нет и интеллигентского «богословствования» наподобие Бердяева-Булгакова-Карсавина, и прочих дилетантствующих ересиархов...» в книге Н.П. Полторацкого «Иван Александрович Ильин» (цитата по кни-

ге И.И. Евлампиева) [1, с. 236]. Вывод очевиден: для религии не нужна ни наука, ни философия, и даже религиозная философия не нужна. Таким образом, использование научных понятий «аксиома», «опыт» при обосновании религии дискредитирует не только попытку создать «научную религию», но и дискредитирует саму религию как форму сознания.

Список литературы

1. Евлампиев И.И. «Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина». - СПб: Издательство «НАУКА», 1998. - 512 с.
2. Ильин И.А. «Аксиомы религиозного опыта». - М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. - 592 с.
3. Ильин И. «Философия как духовное делание» в книге «Религиозный смысл философии». - М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. - 704 с.
4. Ильин И.А. «Путь духовного обновления» в книге «Религиозный смысл философии». - М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. - 704 с.
5. Кузнецов Е. Аксиома // «Философская Энциклопедия», в 5-ти тт., Т. 1 / Под. ред. Ф.В. Константинова. - М.: Гос. науч. изд-во «Советская энциклопедия», 1960. - 504 с.
6. Ленин В.И. «Философские тетради», Т. 29. - М.: «Издательство политической литературы», 1973. - 783 с.
7. Манхейм К. «Диагноз нашего времени». - М.: Юрист, 1994. - 704 с.
8. Определение религиозного опыта / Студенту на заметку. - URL: www.student.zoomru.ru/religia/opredelenie-religioznogo-opyta/282628.3349229.s2.html (дата обращения: 05.04.2016).